

ПЕРВОЕ ОКНО НА СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ УЛИЦЕ

ВЫШЛА книжка, и я держу ее в руках. И хотя знал, что она собирается в свой путь к читателю, и вот-вот ожидалось ее издание, неверящими глазами смотрю на нее и читаю:

Анатолий Ленский — «Маршрут фельдшера Али-Шо».

Впервые мы встретились сразу после войны. Чуть ли не в мае победного сорока пятого года. Демобилизация привела в Крым немало молодых людей, торопливо обдумывающих, как же теперь быть и жить дальше, как сразу ответить на множество вопросов, заданных мирным днем. Например, где жить? Квартиры и комнаты нет. Даже угла нет. Что делать, кем работать? Волей необходимости первой нашей профессией в жизни стало военное дело: танкист, пулеметчик, наводчик орудия, стрелок на корабельной башне... И все это вдруг в один действительно прекрасный день ушло в прошлое. Танки бесшумно застыли на железнодорожных платформах и в утихших полковых парках, орудия и пулеметы онемели на земле и на море...

Почему мы оказались в Крыму? Одни попали сюда через керченский десант и задержались, другие приехали из освобожденных от фашизма стран Европы: дело сделано, и всем захотелось быстрее сменить шинели на пальто, гимнастерки на рубашки и пиджаки, а сапоги на ботинки, так приличней было идти к невестам, искать их в театрах, в кино, на танцах, на улицах. Через неделю-две мы уже обнашивали первые пиджаки, а пальто, к счастью, не покупали: теплый край.

Но не это, конечно, решило все.

В Крым съехались человека три-четыре, мечтающих о литературной работе. Начав фронтовую жизнь с боевых профессий, они закончили войну дивизионными, а то и армейскими газетчиками, писали рассказы и стихи, пока, правда, в свои тетрадки и блокноты. И вдруг прошел слух, что в Ялту приехал на постоянную жизнь известный прозаик и киносценарист, автор романа «На Востоке» и сценария фильма «Александр Невский» Петр Андреевич Павленко. Два года тому назад, переправляясь через холодный Керченский пролив на бревне, среди разрывов снарядов, он серьезно застудил легкие и был обречен не расставаться с этой бедой до конца своих дней. Но вовсе не думал складывать руки и скоро с энтузиазмом, поразившим и захватившим всех, восстановил в Крыму областное отделение Союза писателей, а затем — и выпуск литературно-художественного альманаха «Крым». Естественно, мы стали его увлеченными помощниками.

И вот, выявляя литературные силы области, осмотрительно, придирчиво накапливая материал для первого номера альманаха (чтобы не опозориться в глазах читателя), мы с недавним фронтовым поэтом, отвечавшим теперь за стихи в альманахе, но еще не смевшим назвать себя заведующим отделом поэзии, «двинули» в Севастополь. Мы знали, что там живет морской офицер, сотрудник флотской газеты, пишущий стихи. Знали, что его зовут Анатолий Ленский...

Анатолий удивил многих: он был рослым, ну, попросту говоря, очень высоким, до зависти красивым. Природа наделила его ладным и сильным телом, в котором с первого взгляда замечалась скульптурность, например, в крупных и выразительных чертах лица, а в густые и темные, волнистые волосы его уже заметно вплелась седина. А мы-то думали — ровесник, как почти все с войны, спросили и тут же узнали, что отстали от него всего на десять лет. Нам было по двадцать пять, а

ему, значит, — тридцать пять. В оставшихся после него рукописях позже нашли клочок с такими строчками:

Не оттого ль я рано поседел,
Что слишком мало жил на этом свете
И что среди больших и разных дел
Я самого большого не заметил.

Самым большим, главным делом жизни для него всегда была литература, в те годы все вокруг него, даже самые близкие друзья думали, что — стихи, а потом обнаружилось — и проза. Начав писать в ранге флотского главстаршины, Анатолий Ленский в годы войны стал корреспондентом флотской газеты, закончил ее за столом ответственного секретаря этой редакции. Толя не только планировал номера газеты, писал в нее, но и рисовал и резал гравюры на линолеуме. На стихи, на рассказы не оставалось времени. А к своему творчеству он относился на редкость требовательно, и все, что писал, годами забивало ящики стола, вынималось, переписывалось и снова пряталось...

Когда мы спросили его о стихах для альманаха, в ответ услышали:

— Дело очень хорошее, но у меня ничего нет.

— Как нет?

— Так.

Он улыбался — до того по-доброму, что нелзя было и сердиться. Лишь какая-то растерянность заставила спросить:

— Что же, уезжать ни с чем?

— Пойдем пообедаем.

Я поднял глаза:

— Куда?

— Ко мне домой...

Я еще выше поднял голову:

— Шутите?

Из конца в конец Севастополя тянулись развалины. Горы камней, оставшихся от домов. Сквозь развалины прорастали колонны Графской пристани. Из каменных груд выгребались постаменты памятников, с которых захватчики свалили и поувозили, попрятали фигуры знаменитых адмиралов, флотоводцев-героев.

Анатолий молча встал из-за стола и повел нас за собой. Там, где сейчас солнечно белеет инкерманскими плитами один из самых красивых севастопольских проспектов, недалеко от Морского музея, к стене бывшего дома прижалась сооруженная руками Анатолия Ленского и его жены пристройка из досок с лесенкой, дверью и окошком, в котором часа через два загорелась лампочка. Может, не это окошко стало в Севастополе первым, за которым жил и работал большой город, но я рискованно называть его первым, потому что не видел других — необозримые и непроходимые развалины кругом, а здесь жил и работал (в комнатке стоял письменный стол) участник обороны и освобождения города-героя писатель Анатолий Ленский.

Тогда он угощал нас сосисками, которые из-за отсутствия жены Жени сам варил в ведре на электрической плитке и заливал томатом. Было очень вкусно. А потом началось неизбежное чтение стихов. Нам удалось все же некоторые из них вырвать для альманаха, в том числе, такие — о родном городе, хотя Ленский не здесь родился, но Севастополь родил его как поэта:

Голубые бухты, белый камень,
Лёт веселых ветров прям и крут,

Штормы с моря белыми клыками
В берега неутомимо бьют.

Блеска волн, и звезд, и солнца вдалеке
Для камней, для берегов крутых,
Шумные полотнища нора-оста
От жары не укрывают их.

Все четыре ветра держат флаги
Над суровой крепостью мой:
Весь миллион матросов
Шумным шагом

Бегают по трапам кораблей.

Все запасы самой синей краски
Море щедро отдало тебе...
Все же ты, красавец мой, неласков,
С детства посуровевший в борьбе...

Прошли годы...

В 1975 году издательство «Советский писатель» выпустило книгу стихов Анатолия Ленского — наиболее полную. Она называется «Корабельные склянки». Ее подготовил и собрал, найдя на антресолях и перелистав толстые стопки рукописей, один из давних друзей Анатолия Ленского. Он слушал немало стихов здесь, в удивительном самодельном домике автора. Разбирая стихи, он нашел и прозу и смог дополнить ею первую книгу прозы, вышедшую в Воениздат в 1966 году, через четыре года после кончины автора. (При жизни Анатолий Ленский не опубликовал ни одной страницы своей прозы, все еще работал над ней). И лежала эта проза вразброс. Поистине большую, дружескую работу проделал друг.

Знакомство с этой прозой снова начинается с удивления. Предметом вдохновенного творчества автора, как и в поэзии, всегда был опыт жизни. А юность его, оказывается, прошла на Памире, где нет моря и туманов, где яркие рассветы и ледяные реки и где будущий моряк в седле на ловком коне боролся с басмачами. Они проникали из-за границы, а юный Ленский охранял родную границу в рядах добровольческого Коммунистического полка.

«Его грудь свободно подставлена натиску свирепого ветра». «Лепестки шиповника падали вниз, кружась, как цветная бумага, разорванная на мелкие кусочки». «Белыми колоннами из темных камней кишлаков торчат минареты». «Черный Пяндж низко и бархатно ревел внизу».

Все это радует удивительной точностью. Но может кому-то показаться чересчур красочным. Однако не забывайте: земля такая! И такая душа: лирическое в ней сплелось с героическим, а героическое — с будничной жизни. Прочитавший страницы Анатолия Ленского поймет, что их отличает романтическая страстность.

...Я держу в руках новую книгу Анатолия Ленского. Спасибо другу! Спасибо издательству! Держу книгу и вспоминаю. И хотя воспоминания давят горло, радуюсь книге — яркому и многоголосому продолжению жизни скромного и молчаливого писателя.